

МАРИЯ ЧЕРНЯКОВСКАЯ

СКАЗКА О ЗОЛОТОМ МАЛЬЧИКЕ

Мария Черняковская

Сказка о золотом мальчике

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Черняковская М.

Сказка о золотом мальчике / М. Черняковская —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Куда уходит душа одного из близнецов, умершего при рождении? Остаётся рядом с выжившим братом, чтобы оберегать? Или становится неприкаянным обзлётанным духом, чтобы уничтожить его?

© Черняковская М.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть I	5
1	5
2	8
3	9
4	11
5	14
Часть II	15
1	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Мария Черняковская

Сказка о золотом мальчике

Часть I

1

В маленькой комнатке при свете керосиновых ламп Грэйс рожала долгожданного ребёнка, но что-то шло не так, она это чувствовала своим материнским сердцем.

– Вот он, наш мальчик, – проворковала акушерка.

– Почему он не плачет?

Акушерка обескураженно молчала. Она хлопала младенца по попке, но тот молчал.

– Что-то не так? – и откуда только силы взялись? Грэйс приподнялась на локтях, обеспокоенно вглядываясь в лицо Розы.

Роженица откинулась на подушку, почувствовав новый прилив боли. Схватки продолжались.

– Да у тебя близнецы! – всплеснула руками акушерка.

Через полчаса у четы Перри было уже два мальчика. Вот только младенца, родившегося первым, так и не удалось вернуть к жизни.

Обессиленная Грэйс плакала, когда взволнованный муж залетел в комнату, она прошептала ему:

– Прости меня!

– За что, милая?

– Я не смогла, не смогла...

У её груди копошился новорожденный. Он недовольно морщил лицо, не понимая, почему его мамочка не обращает на него никакого внимания, и почему, в конце концов, его не покормят.

– Он голодный, покорми его.

Грэйс судорожно прижала единственного живого сына к груди. Тот заплакал.

– Ты так задушишь его!

Молодая жена посмотрела на мужа. И Уильяма обдало такой волной холода, что он обхватил себя руками, пытаясь согреть.

– Мы назовём его Аленом, – бормотала Грэйс – да, Ален Уэйн Перри.

Она, казалось, забыла о мертворождённом сыне, вглядываясь в крошечное личико Алекса.

– Какой же он красивый, правда, Билли?

– Конечно, самый красивый мальчик на свете.

«Я смотрел на этот новый, чужой мне мир и поражаюсь количеству красок и звуков. И эти мужчина и женщина, мои родители, какие они трогательные и смешные одновременно. А где мой брат? Верните мне брата!!!»

Ален вдруг расплакался, да так горько, что растерявшаяся Грэйс не знала, что делать.

– Господи, да что с ним? Роза, почему он так плачет?

Пожилая женщина взяла на руки крохотный комочек и что-то заворковала над ним. И ребёнок начал успокаиваться.

– Ничего, такое бывает, – успокоила она молодую мать, но сама была не на шутку взволнована. Дитя плакало от боли, вот только, что у него могло болеть так сильно?

В комнате уже было убрано, все разошлись. Покинутый всеми мёртвый малыш лежал на кровати рядом с Грэйс. Она, казалось, только заметила его.

– Боже, что это?

Уильям взял мёртвого сына на руки. Слезы потекли по лицу мужчины.

– Мы будем любить Алена за двоих.

– Дай мне его!

– Зачем?

– Я сказала, дай!

Теперь у неё на руках было два сына, одинаковых, как две капли воды.

– Вот теперь всё в порядке. Оба моих сыночка со мной.

– Опомнись, Грэйс, у нас только один сын.

– Не говори чушь. Вот видишь, два?

«Да она обезумела!»

– Мы должны похоронить его.

– Кого?

– Ты прекрасно знаешь кого.

– Не дам! Положить такое крохотное существо в холодную землю?

– Тебе надо отдохнуть.

– Ты прав. Глаза слипаются.

Пока жена спала, Уильям обо всём договорился. Крохотный гробик... Боль была невыносимой. Но больше всего его беспокоило, как с этим ударом справится его жена. Он очень любил её, несмотря на тяжёлый вспыльчивый характер, и очень боялся за рассудок Грэйс. Ведь у них теперь есть сынишка с белым пушком на голове и синими, почти чёрными глазами, дух захватывало от этой красоты. Уильям сел за стол, подперев голову руками. Он устал за эти дни, эта извечная погоня за лишним центом, а теперь их трое и придётся работать вдвое больше.

Из дремоты, в которую он начал погружаться, его вывел страшный крик. Мужчина бросился в спальню.

– Он мёртв! Билли, я убила нашего мальчика! – кричала Грэйс, вне себя от горя.

Уильям подскочил к ней, попытался обнять, но жена оттолкнула его.

– Не прикасайся ко мне! Я убийца!

– Успокойся, милая. Он уже родился мёртвым.

Грэйс посмотрела на него бешеными глазами.

– Над нами проклятие! Я знаю.

– Малышка, у тебя были тяжёлые роды. Кто же мог предположить такой исход?

Ален пискнул. Грэйс сразу же схватила его, прижала к себе, дала грудь.

– Его надо похоронить?

– Конечно, как же иначе?

– Ты такой холодный, здравомыслящий, – с презрением произнесла Грэйс.

– Не говори так, мне больно не меньше, чем тебе. И я оплакиваю нашу потерю, но теперь мы должны думать и об этом чуде, а не только о себе.

– Ты прав, прости меня.

– Я люблю тебя. И спасибо за этот драгоценный подарок.

Они оба вглядывались в личико сына, пытаясь предсказать его будущее, но малыш, уже насытившись, спал.

– Он улыбается, клянусь Всевышним!

Уильям погладил огрубевшей ладонью головку сынишки.

На следующий день у Грэйс опять случилась истерика. Когда Уильям вошёл в дом, Грэйс сидела на стуле и, крепко прижимая к себе мёртвого ребёнка, пела ему колыбельную. Муж подошёл к ней, присел на корточки.

– Милая, отдай мне ребёнка, его надо похоронить и научиться жить дальше.

– Уйди! Ты ничего не понимаешь! Убирайся!

И вдруг из спальни послышался плач Алена.

– Ты оставила его одного?

Уильям вынес кричащего сына, протянул жене.

– Ты забыла о нём. Его надо покормить.

Она подняла на него глаза. И Уильям отшатнулся, на дне глаз, которые он так любил, плескалось безумие.

– Нет, не забыла. Как ты мог такое подумать обо мне?

– Грэйс, милая, отдай мне Джесси, пожалуйста. Мы должны смириться.

– Как ты его назвал?

– Джесси.

– Джейсон? Красивое имя. Для могильной плиты.

Она истерически расхохоталась, но спустя несколько секунд, смех прекратился, и ему на смену пришёл поток слёз.

«Слава Богу!»

На улице было слякотно, снег превратился в серую кашу, чавкающую под ногами. Супруги Перри поддерживая друг друга, плелись на кладбище, там под скромной могильной плитой они похоронили маленького сына, который даже не успел на посмотреть на этот грешный мир.

2

Ален открыл глаза. В окно врывались предрассветные лучи, но он этого не замечал. Ален смотрел перед собой, ему было жутко и радостно видеть перед собой мальчика, похожего на него, как две капли воды, такого же белокурого и с такими же синими глазами. Вокруг ночного гостя разливался яркий белый свет, а глаза его горели каким-то непонятным огнём. Нежданный гость кивнул ему и молча позвал за собой. Ален встал и пошёл за ним. Он не чувствовал ни прохлады раннего утра, ни накапывающего дождика, а просто шёл за братом. Чего тот хотел и куда вёл, мальчик не догадывался, но не спрашивал, будучи уверенным в том, что брат не нанесёт ему вреда. Джесси как будто летел в воздухе, странно, но Алена это не удивляло.

«Он ангел, Господи, он ангел».

Ален сложил руки в молитвенном жесте и воззвал к Богу с благодарностью.

А Джесс всё устремлялся вперёд, не оборачиваясь назад.

– Подожди, я не успеваю! – хотелось крикнуть Алenu, но его язык онемел, он мог только хрипеть.

И тут брат повернулся к нему. Алена охватил ледяной ужас от того, что он увидел. Его тело было телом маленького мальчика, но лицо... Его лицо выглядело, как гипсовая маска, глаза смотрели без всякого выражения, и у него совершенно не было рта. Ален упал на колени и закрыл лицо руками.

– Не надо, я прошу тебя.

Джесс или кем там было это существо, хрипло рассмеялось, и Алена затрясло от ужаса.

И вдруг он почувствовал, как его плеча коснулась чья-то рука. Как ему удалось удержаться и не закричать, приходилось только удивляться. Он медленно повернул голову. Рядом с ним стояла мама. Память как будто стёрли. Ален оглянулся вокруг.

– Как я здесь оказался?

Он жутко замёрз, пижама слабо спасала от холода, мальчик прижался к матери и расплакался. Она накинула ему на плечи куртку, но его продолжало трясти, теперь он не понимал почему. В душе был какой-то горький осадок, пустота и боль от потери.

– Что случилось? Ты почему ушёл из дома?

– Я не помню, я ничего не помню, – сквозь рыдания произнёс он.

Грэйс подняла его на ноги, взяла за руку и повела домой. Спустя несколько минут он успокоился.

– Ты же мог так заболеть! – увещевала мать – Что же с тобой случилось, горе ты моё?

– Не знаю, мамочка, очнулся на улице. Я помню, как заснул в постели, а потом сразу здесь.

Голос опять начал дрожать, появилось лёгкое заикание, мама прижала его к себе, погладила по голове.

– Ну, ну, успокойся, я рядом и никому не дам тебя в обиду.

Маленькие пальчики вцепились ей в плечи, причиняя боль.

– Правда, мамочка, правда? – он поднял на неё большие глаза, в которых блеснули невыплаканные слёзы.

– Конечно, мой дорогой, а как же иначе? У нас всё будет хорошо, только ты никуда не должен уходить один, запомни это.

– Да, мамочка, я запомню.

3

Ещё не было и шести утра, а они уже были на могиле Джейсона Перри. Грэйс молча плакала, обливая слезами небольшую могильную плиту. Ален смотрел на неё, и его маленькое сердце разрывалось от боли, он не знал, как помочь ей. Он просто подошёл к матери и обнял её.

– Мамочка не плачь, я люблю тебя.

– Я знаю, сынок, но мне очень плохо. Давай помолимся за Джесси.

«Я устал! – хотелось закричать мальчику – Сколько можно? Обрати внимание на меня!»

Он слышал её невнятное бормотание, и вдруг увидел мальчика своих лет, опершись о накренившийся крест и скрестив на груди руки, тот смотрел на них.

Ален сузил глаза, пытаясь рассмотреть его.

«Господи! Это мой брат.»

Он хорошо помнил их последнюю встречу и ужас, испытанный им. Брат мысленно звал. Ален отрицательно покачал головой, пытаясь сопротивляться молчаливому призыву. Но Джесси не отпускал, и Ален, как в трансе, направился к нему. Улыбка Джесси ширилась по мере того, как к нему подходил брат.

– Ну, здравствуй, братишка!

– Джесс, это снова ты?

– А кто же ещё?

– Но почему ты здесь?

– А где же мне ещё быть? Вы ведь не отпускаете меня. Я постоянно нужен вам. Больше не боюсь?

– Чего?

Джесс ухмыльнулся и начал таять.

– Подожди! Мы ещё не договорили! – закричал Ален во всю силу своих лёгких.

Птицы сорвались с веток деревьев. К нему тут же подбежала мать.

– Что случилось, Ален?

– Мама, я видел его.

– Кого? Кого ты видел?

– Джесси.

Больше он ничего не чувствовал, только прохладу земли, когда коснулся её щекой, а потом сознание покинуло его.

Он очнулся в крепких объятиях.

– Господи, ты так напугал меня. Что же ты увидел? Ты мне расскажешь?

Мальчик отрицательно покачал головой, комок подступил к горлу, не давая дышать. Ему было всего лишь четыре года, но вопросы теснились в его голове, ответы на которые всё не находились. Почему Джесси показался ему? Почему его брата, кроме него, больше никто не видел? И чего ему следует бояться?

– Ты увидел, Джесси? Что он сказал тебе?

Грэйс, казалось, сошла с ума. Она схватила сына за плечи и стала трясти.

– Отвечай немедленно!

– Мама, ты делаешь мне больно, – он расплакался.

Она обняла его, но её объятия почему-то не принесли долгожданного утешения, как всегда.

– Ты видел его. Какой же ты счастливый, что можешь его видеть!

– Мама, я не Джесси. Ты любишь только его?

– Что ты такое говоришь? Я люблю вас обоих одинаково. Просто ты рядом, а его нет, он умер, дав тебе жизнь. – сказала и сама испугалась жестокости своих слов. Сын весь сжался, став

крошечным. – Я не то хотела сказать, просто очень хочу обнять его, сказать ему, как люблю, как мне его не хватает.

– У тебя есть я и всегда буду. Я никогда тебя не брошу.

Дрожащей ручкой он погладил её по волосам.

– Мама, успокойся, нам надо смириться.

– Что ты такое говоришь? Как смириться?

«Она не справится без моей помощи. Я всегда должен быть рядом.»

– Прости меня, мой мальчик.

Ален почувствовал, как у него начинают слипаться глаза, а мама стала что-то напевать, что-то очень красивое. Сквозь сон он пробормотал:

– Я люблю тебя.

4

– Не смей трогать, это для Алена! – Грэйс повысила голос. – Устраивайся на работу. Езжай в Мемфис, может что-то найдёшь.

Уильям поднял на жену уставшие глаза.

– Я стараюсь, честно, спину сорвал, до сих пор болит.

Грэйс с досадой махнула рукой. Ален переводил глаза с одного родителя на другого.

– Мама, не надо ссориться с папой. Я больше не хочу есть.

– Замолчи, Ален, не вмешивайся в разговоры взрослых. Это нехорошо.

Сын опустил голову.

– Ты точно наелся?

Всё также молча Ален кивнул головой.

– Иди на улицу. Но от дома ни на шаг.

Ален выскочил за двери, он не любил слушать скандалы родителей. Усевшись на качели, он отталкивался ногами от земли и взлетал высоко, к самым небесам.

– Привет, Ален! Что делаешь? – к нему подбежал его одноклассник Баззи.

– Да ничего.

– Пойдём, сыграем в футбол.

– Площадка далеко, – с сожалением протянул Ален.

– Да рядом, чего ты боишься?

– Мне не разрешают уходить далеко от дома.

– Подвинься!

Качели прогнулись под товарищем.

– Жаль, у меня новый мяч.

– Ух, ты! – загорелись глаза у Алена.

– Да! Подарок на день рождения.

Ален тяжело вздохнул.

– А я бы хотел велосипед, но он слишком дорогой.

– Да уж, это дорогая вещь.

Друзья помолчали.

– Может, всё-таки сходим? Ребята уже заждались.

Ален посмотрел на окна, оттуда слышались звуки ссоры, она была в самом разгаре.

«Может, правда сходить? Быстро обернись».

– Пойдём!

Мальчик почувствовал себя очень гордым от собственной смелости. Спустя несколько секунд качели уже сиротливо скрипели на ветру.

– О, кого я вижу! Маменькин сынок! – поприветствовал самый старший мальчик из их компании. – И как только тебя мамочка отпустила?

– Успокойся, Томми, что тебе всё время неймётся? – вмешался Баззи – давайте лучше сыграем, пока солнце не село.

Это была не игра, а драка. Ален пытался взять реванш за нанесённую обиду, и, благодаря его решимости, команда, в которой он играл, одержала победу.

– А ты молодец! – после игры Томми подошёл к Алену и похлопал его по плечу. – завтра придёшь?

– Не знаю, – стушевался Ален.

– Мамочка не отпустит?

Ален поднял глаза, и Томми смутился.

– Я просто пошутил.

– Мне надо идти, – в ответ сказал Ален – Баззи, ты со мной?

– Я ещё побуду здесь.

– Как хочешь, – пробормотал Ален и побрёл домой. Он знал, что его ждёт хорошая взбучка, и не ошибся. Мать была в ярости.

– Ты где был? – кричала она – Я что тебе сказала?

– Не отходить от дома.

– А ты что сделал?

Слова сопровождались ощутимыми шлепками, Ален, как мог, уворачивался от них, но мать всё равно наносила болезненные удары.

– Завтра пойдём в церковь.

– Зачем?

– Молиться и каяться. Ты согрешил.

– Да, мама.

– Иди в постель и жди меня, мы ещё не договорили.

Укрывшись с головой, Ален дал волю слезам, он плакал не от обиды, не от боли, нет, от чувства вины за то, что ослушался мать.

«Меня ждёт ад, я буду гореть в аду и никогда не встречусь с Джесси».

– Ален, ты спишь?

В комнату вошла бабушка. Ален быстро вытер глаза.

– Нет.

– Досталось тебе от матери?

Ален кивнул.

– Я сам виноват. Не послушался её.

– Ты прав, маму нельзя огорчать. Она беспокоится о тебе.

– Но мы так здорово поиграли, почему мне нельзя играть с ребятами?

– Тебя могут ударить, обидеть, а то и покалечить.

– Подумаешь, пара синяков.

Бабушка погладила его по мягким волосам.

– Помни только одно, мы все тебя очень любим.

– Я тоже вас очень люблю. И Джесси.

– Тебе не хватает его?

– Очень.

– Это пройдёт, всё проходит. Твоя боль утихнет.

– Правда?

Его взгляд пронизывающий и молящий заставил Мэй отвести глаза. Она тяжело поднялась и вышла. Ален снова остался один, в комнате была крошечная тьма, и его окатило ледяной волной страха. Он выскочил из комнаты в поисках матери. Она мыла посуду, мальчик подошёл к ней.

– Прости меня, мама, я виноват.

– Я боюсь за тебя. – глухо пробормотала Грэйс – я не переживу ещё одной потери.

У меня больше никого нет.

«А как же папа?» – хотел спросить сын, но промолчал. Несмотря на десятилетний возраст он понимал гораздо больше своих сверстников. Слишком рано ему пришлось стать старшим в семье. Мать во всём полагалась на него, всё чаще жалуясь ему, как тяжело ей живётся. И сын, как мог, пытался смягчить её боль. Отец всё чаще стал уходить из дома, возвращался за полночь, и от него неприятно пахло. С тех пор его место в супружеской постели занял Ален. Мама прижималась к нему, как будто хотела раствориться в маленьком сыне. Часто сквозь сон он слышал её всхлипывания, тогда мальчик поворачивался к ней и прижимал к себе, успока-

ивал, шептал какие-то слова утешения, мама затихала, и они засыпали, крепко прижавшись друг к другу.

... – Тебе надо отдохнуть, присядь. Ты простила меня?

– Конечно, милый. Я уже давно не злюсь.

– Мамочка, вы с папой больше не любите друг друга?

– Почему ты так подумал?

– Вы постоянно ссоритесь...

– Так иногда бывает между взрослыми.

– Да, но в последнее время это случается всё чаще.

– Столько всего навалилось.

– Это я виноват.

– Нет, не думай так, твоей вины здесь нет.

– Вы разведётесь?

– Нет, конечно, нет. Бог свёл нас, мы давали ему обет всегда быть вместе.

– Папа любит тебя.

– Я знаю, но...

– Мама, не ругай его больше. Мне очень больно слушать, как вы ругаетесь.

– Сынок, я постараюсь, честно.

Ален ещё больше прижался к матери и произнёс:

– Всё будет хорошо, детка, я всегда буду заботиться о тебе, – произнёс сын тоном взрослого мужчины.

В ту ночь они ещё долго разговаривали в постели: о Боге, о Джесси, Алену становилось одновременно и легко, и тяжело на душе от этих бесед. Он хотел вернуть отца в их маленький мирок, и в то же время ни с кем не хотел делить мать. Чувство вины за разлад между родителями, за то, что брат умер, дав ему жизнь, увеличивалось, иногда было трудно дышать от этих мыслей. Он высказывал всё это матери, и она понимающе кивала.

– У Бога на всех нас свои планы. И когда-нибудь он призовет и меня, и папу, и тебя. И мы все вернёмся домой, и нам там будет хорошо и спокойно.

5

Зловонные улицы «гетто»...

Они переехали сюда в надежде хоть как-то улучшить свою жизнь. Алену не понравилось здесь. В этом большом городе он боялся затеряться: слишком много людей, слишком много машин.

Они вошли в крохотную квартирку на пятом этаже: ободранные стены, старая плита на кухне, скрипучие двери. Грэйс обозревала это «богатое» убранство со слезами на глазах.

– Ничего, милая, – обнял её Уильям – со временем всё изменится к лучшему.

– А церковь хоть здесь есть?

– Да, конечно, неужели ты думаешь, что я бы об этом не подумал?

Она высвободилась из его объятий и пошла на кухню. Ален побежал за ней.

– Мама, мы здесь будем жить? – в его голосе слышалось отчаяние.

Мать подтвердила его опасения кивком головы.

– Сынок, ты слышал, что сказал отец? Это ненадолго.

– Можно, я пойду на улицу?

Женщина снова кивнула. Ален вышел за двери, прихватив с собой гитару. Он немного умел играть на ней, дядя показал ему несколько аккордов. Дальше он пытался играть на слух. В этом ему помогала старенькая радиола. Негритянские госпелы, и блюзы пели в его душе, требуя выхода.

Он уселся на, нагретый за день, бордюр и коснулся струн, напевая вполголоса. Чистый детский голосок привлёк соседей, вскоре вокруг него образовался небольшой кружок людей. Кто-то подыгрывал ему на таких же дешёвых инструментах, кто-то подпевал. Находясь во власти песни, Ален не сразу заметил слушателей, но когда послышались жидкие, осторожные аплодисменты, вздрогнул и поднял глаза. Густая краска покрыла его щёки.

– Простите, я никому не хотел мешать.

– Тебе не за что извиняться, сынок, – хлопнул его по плечу темнокожий старик.

Гитару подарили ему два года назад на день рождения, и сначала он не знал, что с ней делать, но потом понял, как ему повезло. Теперь он мог по вечерам выходить на улицу, рядом садились родители, и у них получалось музыкальное трио: у мамы был хороший голос, но, к большому сожалению Алена, такие семейные выступления случались очень редко, но когда получалось собраться всем вместе, счастьем Алена не было предела. Создавалась иллюзия, что у них в семье всё хорошо: мама и папа любят друг друга, как раньше.

Демоны в его душе росли, и уже разговоры с матерью не приносили облегчения. Он боролся с ними по мере своих слабых детских сил, но они всё равно приходили, мучая, причиняя боль, истязая душу. Иногда казалось, что он просто не выдержит, сойдёт с ума, но приходил день, и чёрные тени отступали, чтобы вернуться ночью. Случаи лунатизма происходили всё чаще. Но теперь мама клала возле кровати мокрую тряпку, и Ален просыпался, только ступив на пол. Пробуждение происходило резко, тело пронзало электрическим током, и он потом долго не мог уснуть, лежал, устремив взгляд в потолок и повторяя одно и то же слово:

– Уйдите! Уйдите! Уйдите! – пока силы не покидали его, и он не погружался в тяжёлый сон, полный кошмаров и чудовищ.

Часть II

1

Гитара была моей подругой уже больше пяти лет. Иногда я пел в кругу соседей или родственников, но обязательно в сумерках или в темноте, которую слегка разбавлял огонь от камина. Я не понимал, что со мной случилось за эти годы, ведь раньше меня не смущала публика. Ведь можно было просто закрыть глаза и отгородиться от всех, но теперь появилось какое-то беспокойство перед случайными слушателями. Оно не проходило даже тогда, когда песня полностью овладевала мной. И всё-таки я продолжал эти импровизируемые выступления.

Часто на уроках я глядел в окно и мечтал, не слыша слов преподавателя. Мечтал если не о богатой, то хотя бы об обеспеченной жизни для себя и родителей. Я чувствовал себя обязанным перед ними, появятся деньги и между ними наладятся отношения, обязательно, а как же иначе? И я тогда перестану быть для них обузой, лишним ртом.

Я шёл по коридору школы, обращая на себя внимание всех своих одноклассников, некоторые крутили пальцем у виска, некоторые смеялись мне в спину, но я уже давно привык к этому и не реагировал на косые взгляды.

Мои волосы были гораздо длиннее общепринятых норм, и это мне уже доставляло неприятности, пришлось уйти из футбольной команды, потому что тренер был весьма настойчив, когда говорил, что мне не помешало бы постричься. Даже предлагал с ухмылкой деньги на парикмахерскую.

– Ты похож на девчонку, приведёшь волосы в порядок, вот тогда и приходи. Ты неплохой нападающий, мы будем с нетерпением тебя ждать.

В тот день я пришёл домой и долго смотрел на себя в зеркало, искренне недоумевая, что их всех так возмущало в моём внешнем виде. Может то, что я неосознанно пытался быть похожим на негров? Бакенбарды, длинные пряди, которые мне каждое утро приходилось долго укладывать, смазывать бриллиантином, чтобы они лежали так, как надо.

А может голос в голове? Мой невидимый собеседник хвалил меня за то, что я не боюсь плыть против течения.

«Ты выделяешься из серой массы. Правильно, а то все, как солдаты на параде».

Но чего мне это стоило, знал только я один. И что заставляло меня это делать, я не мог себе объяснить. Наверное, мне не хотелось быть похожим на остальных: с «ёжиком» на голове, со стальными мышцами. Девчонкам нравились такие парни, а меня представительницы прекрасного пола зачастую обходили стороной. И всё-таки у меня была личная жизнь. Чистые невинные девушки из таких же бедных семей. Я их всех знакомил с матерью, и начинал встречаться с ними только после её одобрения. И она всегда оказывалась права. Мне было комфортно с ними, мы много гуляли, посещали вместе церковь по воскресениям, ходили на киносеансы. Иногда на особо любимые фильмы я потом ходил один: Дин Мартин, Джеймс Дин были моими кумирами, я запоминал их реплики и в любое время мог их воспроизвести по памяти. Часто дома я разыгрывал небольшие сценки, играя несколько персонажей сразу, мне это очень нравилось, но главным для меня оставалась музыка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.